

Патрушев Сергей

Дневник желаний

Сергей Патрушев
Дневник желаний

«Автор»

2026

Патрушев С.

Дневник желаний / С. Патрушев — «Автор», 2026

Алекс — сын пьяницы из грязных трущоб, мечтающий о дочери герцога Анастасии. Найдя странный дневник, исполняющий желания (поцелуй, богатство, слава), он стремительно покоряет мир и женится на ней. Но за каждое чудо приходится платить кусочком души. Когда магия иссякает, а жена раскрывает правду, что сила всегда была в нём самом, Алекс проходит через кризис идентичности. Он сжигает костыли иллюзий, принимает свою тёмную натуру без помощи демонов и становится истинным творцом своей жестокой судьбы.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Пепел и Золото	5
Глава 2. Чёрная находка	13
Глава 3. Первая строка	19
Глава 4. Случайность или Чудо?	25
Гл	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Сергей Патрушев

Дневник желаний

Глава 1. Пепел и Золото

Сажа въелась в поры его кожи так глубоко, что даже ледяная вода из колодца не могла ее отмыть. Алекс провел заскорузлой ладонью по лицу, размазывая пот и копоть, но на коже остались лишь серые разводы. В свои двадцать пять лет он выглядел на все тридцать: сухопарый, жилистый, с узловатыми мышцами кузнеца и преждевременными морщинами у глаз — следами постоянного прищуривания над раскаленным горном. Красота, о которой шептались девчонки на рынке, была дикой, хищной красотой молодого волка: резкие скулы, тяжелый подбородок и глаза цвета старой бронзы, в которых плясали опасные огоньки. Но эта красота пряталась под слоем грязи, дешевого сукна и вечной усталостью.

Мастерская старого Гюнтера пропахла окалиной, кислым потом и жженым углем. Это был запах нищеты, честного труда и выжженных легких. Низкий потолок давил на плечи, заставляя вечно сутулиться. С потолка свисала цепь с крюком, покрытая черной чешуей застывшего металла. На стенах висели заготовки мечей, напоминающие скелеты огромных рыб. Утро только начиналось, но сквозь единственное узкое оконце, затянутое бычьим пузырем, уже пробивался тусклый серый свет, а внутри стояла удушливая жара.

— Не спи, щенок! — рявкнул Гюнтер, тяжело опираясь на молот. Его правая рука, раздутая водянкой, походила на сырую тестовую опару. — Ты мне полосу пережжешь. Золото плавится быстрее железа, дурья твоя башка. А золото герцога ошибок не прощает.

Алекс вздрогнул, возвращаясь к реальности. В тяжелых клещах он держал слиток тусклого желтого металла. Не простое золото — электрум, сплав с серебром, капризный и свое нравный. Герцог Эдрик ди Фальконе заказал для своей дочери Анастасии венец. Венец должен был символизировать чистоту северных льдов и жар южного солнца. Для Алекса это был просто кусок тяжелого, неподатливого металла, который требовал абсолютного внимания. Одно неверное движение мехов, лишний глоток кислорода в печь — и благородный металл превратится в хрупкую пену, в бесполезный шлак. А долговой камень ляжет на спину самого Алекса.

Он опустил слиток в каменную форму. Жидкое золото приняло очертания будущего обруча с пугающей покорностью. Оно сияло изнутри собственным светом, слепящим и горячим.

«Слишком яркий», — подумал Алекс, глядя на расплавленный металл. — «Таким взглядом она смотрит на витражи в соборе».

Анастасия. Ана-ста-си-я. Он перекачивал ее имя во рту, как гладкий речной голыш, когда думал, что никто не видит. Имя было похоже на молитву и на проклятие одновременно. Дочь герцога. Наследница белокаменного замка, чьи шпили пронзали низкие облака этого промозглого города. Она жила там, наверху, где воздух пахнет розмарином, ладаном и свежестью после дождя, а мостовые вымыты щелоком до зеркального блеска.

А он жил здесь, внизу. В Нижнем городе, куда стекала вся грязь столицы вместе с помоями из верхних кварталов. Их дом — если покосившуюся хибару, прилепленную прямо к тыльной стене кузни, можно было назвать домом — делился на троих: на него, на вечно пьяного отца, забивавшего последние мозги дешевым элем, и на кашель матери, который не прекращался уже третью зиму. Мать чахоточно билась в углу на гнилой соломе, пытаясь согреться под ворохом тряпья. Ее высохшая грудь ходила ходуном, издавая звук рвущейся парусины. Каждое утро Алекс уходил в кузню, плотно прикрыв за собой тяжелую дубовую дверь, чтобы не слышать этот звук. Он оставлял им краюху черствого хлеба и немного монет, украденных из

выручки Гюнтера ровно настолько, чтобы старый скупердяй списал это на свою рассеянность, но не заподозрил кражу.

Днем Алекс был тенью. Тенью с молотом весом в два стоуна. Он правил лошадиные подковы, которые плевались ему в лицо искрами, латал дырявые казаны трактирщиков, вытягивал проволоку для ювелиров. Он чувствовал себя придатком к инструментам, куском мяса, представленным к наковальне. Железо подчинялось ему охотно — оно было честным. Если ударить сильно, оно прогнется. Если слабо — останется прежним. Все просто.

Но вечером, когда колокол на ратуше отбивал седьмую стражу, а мастерская закрывалась, Алекс преображался. Он смывал с себя корку грязи в сточной канаве, надевал единственную чистую рубаху — тонкого полотна, купленную за бесценок у карманника с краденым товаром, — и шел к западной стене герцогского парка.

Стена была высотой в три человеческих роста, сложенная из гладкого, отполированного временем гранита. Наверху торчали железные пики, смазанные жиром, чтобы их нельзя было перелезть. Непреодолимая преграда. Социальная пропасть, выкованная законом и вековыми традициями.

Для всех остальных.

В дальнем конце парка рос старый вяз. Его корни, толстые, как питоны, годами подмывали основание стены, пока в одном месте гранит не просел, образовав узкую, скрытую кустами боярышника расщелину. Протиснуться туда мог только очень худой человек. Алекс протискивался. Царапая кожу до крови о камни и шипы, он оказывался в другом мире.

Парк дышал безмятежностью. Здесь не воняло конским навозом и гниющей рыбой. Здесь пахло скошенной травой, влажной землей и цветами, названий которых Алекс даже не знал. Под ногами лежал мягкий мох, скрадывающий шаги лучше любой подошвы. Он сливался с тенями, становясь частью ландшафта, невидимым духом этих ухоженных аллей.

Он нашел свое место месяц назад. Небольшая беседка из белого мрамора, увитая плетистыми розами, стояла на возвышении. Отсюда открывался вид на фонтан — трехъярусную чашу, из которой били серебряные струи, подсвеченные магическими фонарями. И отсюда же была видна тропинка, ведущая от малого дворца к библиотеке.

Она всегда приходила в одно и то же время. Ровно через полчаса после заката.

Сначала слышался лишь легкий хруст гравия под каблучками туфель из мягкой кожи. Затем появлялась она. Анастасия ди Фальконе.

Сегодня на ней было платье цвета вечернего неба — глубокого индиго, расшитое по лифу крошечными речным жемчугом, похожим на капли ртути. Шелк струился по ее фигуре при каждом шаге, словно живой. Никакие корсеты не могли скрыть природной грации ее осанки; казалось, она не шла, а плыла над землей, едва касаясь ее. Служанка, сгорбленная старуха в сером, семенила в пяти шагах позади, стараясь быть еще более незаметной, чем сам воздух. Правилам этикета ее учили с рождения: прислуга — это мебель.

Анастасия остановилась у фонтана. Достала из расшитой бисером сумочки маленькую золотую клетку. Внутри сидела редкая птица — синяя сойка с берегов Внутреннего моря. Птица нервно переступала с лапки на лапку, блестя агатовым глазом.

— Тише, моя хорошая, — голос Анастасии был подобен звону хрустальных колокольчиков, подвешенных на сквозняке. Чистый, высокий, совершенно нездешний. — Они привезли тебя в холод, я знаю. Здесь нет твоего солнца. Но потерпи. Скоро мы поедем домой, на Юг.

Она открыла дверцу клетки. Птица недоверчиво высунула клюв, взмахнула крыльями и сорвалась в темноту парка, мгновенно растворившись среди старых лип. Анастасия проводила ее долгим взглядом.

На ее лице не было той надменной маски, которую она носила днем на официальных приемах, проезжая мимо рыночной площади в закрытой карете. Сейчас, в одиночестве, черты ее смягчились. Уголки губ дрогнули, готовые сложиться в улыбку или скорбную складку. Она

провела пальцем по краю мраморной чаши фонтана, собирая капельку влаги. Поднесла к лицу, вдохнула.

Алекс затаил дыхание за стволом дуба, вжимаясь спиной в шершавую кору. От напряжения сводило икры. Ему хотелось выйти, сломать эту чертову ветку тишины, сказать ей... Что? Здравствуй, я тот, кто держит мир на своих плечах, пока ты смотришь на птиц? Я тот, чей отец пропивает остатки чести, а мать умирает от кашля? Посмотри на меня. Просто посмотри. Узнай, что я существую.

Но он знал, что произойдет, сделай он хоть шаг. Стража, патрулирующая парк, носит кольчуги двойного плетения и вооружена арбалетами. Они не станут спрашивать имени. Удар болта между лопаток — и его тело выльют в ров вместе с городскими отходами. Никто не будет плакать. Отец продаст его одежду, чтобы купить выпивку.

И все же он смотрел. Он пожирал ее глазами, запоминая каждую деталь: родинку на правой ключице, чуть выбившийся из сложной прически локон цвета старого золота, то, как она слегка морщит нос, когда ветер несет дым от городских печей. Он собирал эти детали, как скупец собирает монеты, складывая их в сокровищницу своего воображения. Ночами, лежа на своем тюфяке рядом с храпящим отцом, он перебирал эти воспоминания, выстраивая иные диалоги. В них он не был грязным подмастерьем. В них он спасал ее от разбойников, вытаскивал из горящего дома или выигрывал турнир, бросая венок победителя исключительно к ее ногам.

— Вы снова грустите, госпожа? — тихий, скрипучий голос служанки вырвал Анастасию из задумчивости.

— Нет, Марта. Я люблюсь, — ответила девушка. — Знаешь, чего я боюсь больше всего? Марта отрицательно качнула головой, хотя хозяйка на нее не смотрела.

— Проснуться однажды утром и понять, что мое отражение в зеркале стало таким же пустым, как лица придворных дам. Что я научилась улыбаться, не чувствуя радости, и склонять голову, не испытывая почтения. Что золото моих волос станет просто металлом, а кровь — просто красной водой.

У Алекса перехватило дыхание. Эти слова были слишком тяжелыми для такой изящной девушки. В них звучала та же клаустрофобия, тот же ужас перед расписанной наперед жизнью, который грыз его изнутри каждый раз, когда он опускал молот на раскаленный брусочек. Она тоже была в клетке. Только ее прутья были золотыми, инкрустированными сапфирами.

— Вам нужно замуж, госпожа, — проскрипела Марта. — Хороший муж разгоняет такие мысли.

Анастасия тихо, невесело рассмеялась. Звук был похож на треск ломающегося льда. — Мой жених, граф Лоран, пишет мне письма длиной в три страницы, перечисляя количество своих земель и голов скота. Он говорит, что мои глаза напоминают ему «полированные аквамарины». Как будто я — рукоять кинжала, которую нужно оценить. Полированный аквамарин не чувствует холода, Марта. Ему все равно.

Она повернулась лицом к городу. К восточной части, где никогда не гасли огни трущоб, создавая на горизонте постоянное багровое зарево.

— Там живут люди, — прошептала она, глядя вдаль поверх стен. — Кузнец, который вчера обжег руку, но продолжал работать, потому что ему надо кормить детей. Старуха, торгующая пирожками с требухой на таком морозе, что пальцы синеют. Мальчишка-водонос, плачущий над разбитым кувшином, потому что хозяин вычтет стоимость из его еды. Они чувствуют всё. Боль, холод, страх, счастье от медной монеты. Они настоящие. А мы... мы живем в саркофаге из мрамора и приличий. Мы притворяемся живыми.

Сердце Алекса пропустило удар, а затем забилось с удвоенной силой, отдаваясь пульсом в висках. Она знала. Она видела их. Видела *его*. Значит, шанс есть. Мизерный, призрачный,

толщиной в паутину, но есть. Он открыл рот, чтобы окликнуть ее шепотом. Всего одно слово. Одно имя.

— Госпожа! — раздалось совсем близко. Совсем не оттуда, откуда они ждали. Резкий, властный мужской голос, привыкший отдавать приказы легионам. — Ваше присутствие срочно требуется отцу. Совет отложен из-за вашего отсутствия. И прекратите бродить по ночам, это неприлично. За нарушение протокола ваш выезд на воды этим летом будет отменен.

Из тени кипариса выступил человек в черно-серебряном дублете. Капитан личной гвардии герцога. Лицо его было похоже на старую пергаментную карту, испещренную шрамами. Рука лежала на эфесе меча. Он не угрожал — он констатировал факт. Приглашать дочь герцога дважды было не принято.

Анастасия вздрогнула, как от удара. Вся мягкость мгновенно стекла с ее лица, обнажая породу и сталь. Она стала истинной дочерью Эдрика ди Фальконе. Холодной, неприступной, наследницей Севера.

— Иду, капитан Ренар, — произнесла она ровно. Голос изменился, став звонким и пустым. Аквамариновым.

Она кивнула старухе, развернулась на каблуках и пошла прочь. Спина ее была идеально прямой, шаги — выверенными. Ни единого лишнего движения. Лишь пальцы левой руки, прижатые к груди, судорожно сжимали ткань платья, выдавая внутреннее напряжение. Белый шелк натянулся, врезаясь в ладонь.

Капитан Ренар задержал взгляд на зарослях, за которыми скрывался Алекс. Взгляд был тяжелым, оценивающим, профессиональным. Казалось, он слышал треск ветки под чужой подошвой за сотню шагов. Или просто почувствовал изменение запаха воздуха — примесь дешевого щелочного мыла и горячего железа, чуждых этому саду. Несколько секунд, показавшихся Алексу вечностью, они смотрели друг на друга через разделяющие их кусты. Затем капитан моргнул, поправил перевязь и последовал за своей подопечной, ступая абсолютно бесшумно.

Тишина сомкнулась над парком, густая и маслянистая. Исчез хруст гравия, исчез шелест шелка. Остался только шум фонтана и далекий, глухой бой городского набата — кого-то ловили воры в припортовых доках.

Алекс стоял, не шевелясь, пока не занемели ноги. Яд разочарования растекался по венам. Он ненавидел капитана. Ненавидел герцога. Ненавидел золотой венец, который сейчас остывает в форме в мастерской Гюнтера. Но больше всего он ненавидел себя. За трусость. За то, что позволил этой красивой фарфоровой кукле подойти ближе к правде, чем любому другому человеку в его жизни, и сбежал, поджав хвост, как побитый пес.

Он начал пятиться назад, к расщелине в стене. Колючая ветвь боярышника намертво вцепилась в его волосы. Он дернул головой, оставив в шипах целый клочок, и боль наконец привела его в чувство. Острое, горячее жжение на коже отрезвило лучше холодной воды.

Выбравшись наружу, в переулочек, заваленный гниющими овощами и трупами кошек, он полной грудью вдохнул вонь Нижнего города. Смерд стал бальзамом. Напоминанием о том, кто он есть. Никем. Сыном пьяницы и умирающей женщины. Подмастерьем, задолжавшим кузнецу половину годовой выработки. Парнем, влюбившимся в лунный свет.

Лунный свет нельзя схватить. Нельзя удержать. Можно лишь смотреть, как он заливает крыши богатых домов, оставляя твои собственные трущобы в кромешной тьме.

Утром следующего дня работа с венцом продолжилась. Электрум остыл, приняв форму грубого, неровного кольца. Теперь предстояла самая тонкая часть работы — чеканка. Гюнтер ушел сдавать предыдущий заказ гильдии оружейников, оставив мастерскую на попечение Алекса. Старый хитрец доверял ему самую сложную работу, платя при этом медью.

Алекс сел на низкую скамеечку перед верстаком. Положил будущий венец на свинцовую подложку. Взял в руки штихель — тонкий стальной резец — и молоточек-боздухан. Работа

требовала микроскопической точности. Каждый удар должен был поднять лепесток металла ровно на толщину рисового зерна. Орнамент изображал ветви шиповника — любимого цветка Анастасии, гербовый цветок дома ди Фальконе.

Он работал механически. Руки знали свое дело. Левая удерживала заготовку, правая наносила удары. Раз-два. Удар — поворот. Раз-два. Удар — поворот. Металл поддавался, оживая под инструментом. Из хаоса проступал порядок.

Его разум был далеко. Он снова был в парке. Но сегодня сцена изменилась. Сегодня он не сидел за деревом. Сегодня он подошел к ней.

— *Вы порезались, — говорит он в своем воображении, указывая на каплю крови на ее пальце. — Пустяк, — отвечает она, не удивляясь его появлению. Словно ждала именно его. — Шиповник всегда требует платы. — Позвольте мне, — он берет ее руку. Его ладони, привыкшие держать раскаленное железо, удивительно нежны. Он слизывает кровь языком. Солоноватый вкус. Запах ее кожи — жасмин и озон. — Кто ты? — шепчет она. — Тот, кто знает цену золоту, — отвечает он. — Потому что платит за него своим хребтом.*

Штихель соскользнул.

Звук был коротким, сухим, похожим на щелчок сломанной кости. Тонкий золотой усик, который Алекс только что поднял, отлетел в сторону, упав в кучу металлической стружки на полу. Линия орнамента прервалась нелепым зазубренным шрамом. Идеальная симметрия листьев шиповника была разрушена навсегда.

— Проклятье! — выдохнул Алекс, отшвыривая инструмент. Молоточек со звоном улетел под стол.

Он вскочил, пиная ногой ведро с песком. Вода из лужи под ногами брызнула на его штаны. Три месяц работы. Сотни часов у горна. Испорчено одним мгновением слабости. Одним ударом сердца, которое думало не о металле.

— Решил переплавить мою мастерскую заодно с золотом?! — гроыхнуло от двери.

Гюнтер вернулся раньше времени. Он стоял на пороге, огромный, заполнивший собой весь проем, и тяжело дышал. По его лбу катился пот, смешанный с дорожной пылью. В руках он держал кожаный кошель, который оттягивал руку до пола. Судя по весу, заказчик рассчитался полновесным серебром.

Взгляд маленьких черных глазок кузнеца упал на верстак. Он медленно прошел внутрь, шаркая стоптанными сапогами. Наклонился над венцом. Его лицо, обычно красное от жара печи, начало стремительно бледнеть, приобретая оттенок сырого теста.

— Что... — прохрипел он. — Что ты наделал, ублюдок?

— Случайно, мастер, — быстро заговорил Алекс, делая шаг вперед в примирительном жесте. — Штихель повело. Я могу заварить, шлифану, почти не будет...

Гюнтер не дослушал. Сухожилия на его шее вздулись веревками. Он издал странный горловой звук, нечто среднее между квохтаньем и ревом медведя, и бросился на ученика.

Старик двигался невероятно быстро для человека с водяной. Его ручища, твердая, как древесный корень, сгребла ворот рубахи Алекса. Ткань затрещала. Одним движением Гюнтер оторвал юношу от земли и швырнул в угол, на гору неотожженных подков. Подкова с острым концом пропорола Алексу предплечье. Горячая, пульсирующая боль вспыхнула огнем.

— Почти не будет?! — ревел кузнец, нависая над ним. Брызги слюны летели в лицо. — Ты знаешь, сколько стоит этот слиток?! Мне пришлось заложить душу ростовщику Борге! Если завтра к полудню венец не будет лежать на бархате в замке, нас обоих насадят на колья у Западных ворот! Тебя первого, воровской выкидыш!

Гюнтер размахнулся. Огромный, черный от масла кулак устремился к лицу Алекса. Время замедлилось. Алекс видел каждую трещину на костяшках мастера, видел седой волос, прилипший к жирной коже. Он видел собственную смерть. Жизнь уличного мальчишки

должна была закончиться здесь, в пыли, среди ржавого железа, из-за мечты о девушке, чьего голоса он даже не слышал вблизи.

Кулак пошел вниз. Инстинкт, выработанный годами побоев от отца и тяжелой работы, сработал быстрее мысли.

Алекс откатился вбок. Кулак Гюнтера с грохотом впечатался в каменную кладку стены. Посыпалась штукатурка. Кузнец взвыл, тряся отшибленной рукой.

Этой секунды хватило. Алекс вылетел из угла, нырнул под вторую атаку, схватил со стола тяжелый рогач для котла и, не целясь, махнул им наотмашь.

Рогач задел плечо Гюнтера. Не сильно, скорее болезненно, чем опасно. Но само действие — сопротивление — парализовало старика. Подмастерье никогда не смел поднять руку на мастера. Это нарушало законы цеха, вселенной и здравого смысла.

Они замерли. Два взгляда столкнулись над наковальней. Взгляд Гюнтера — мутный от ярости и боли, полный животного недоумения. И взгляд Алекса — ясный, холодный, бронзовый. В нем не было страха. В нем плавился гнев. Тот самый гнев, что скапливался в нем годами, когда он глотал дым, мерз на улице, слушал кашель матери и смотрел на золотые шпильки замка снизу вверх.

— Хватит, — сказал Алекс. Голос его прозвучал тихо, но заполнил всю мастерскую, перекрывая шипение угля в горне. — Я отработаю. Сделаю новый. Отдам вдвое. Но бить меня ты больше не будешь.

Гюнтер открыл рот, чтобы исторгнуть новую волну ругательств, но посмотрел в глаза ученику и осекся. Он увидел там что-то новое. То, что сам Алексей еще не осознавал. Край бездны. Осознание того, что терять ему нечего, кроме цепей, которых он уже не замечал.

Кузнец отступил на шаг. Привалился спиной к верстаку, прижимая ушибленную руку к животу.

— Ты уволен, — просипел он, глядя в пол. — Забирай свои тряпки. И попробуй только появиться в моем квартале. Братство узнает. Тебе переломают молотком пальцы.

Алекс выпустил рогачик. Тот глухо ударился о доски. Он посмотрел на свою левую руку. Кровь из пореза на предплечье смешивалась с вьевшейся сажей, образуя жутковатый темно-фиолетовый узор.

Он медленно подошел к своему тюфяку в углу, за занавеской из мешковины. Сложил в узелок смену белья, иглу с суровой ниткой и пару медяков. Оглянулся на Гюнтера. Старик сидел на полу, раскачиваясь и баюкая руку. Жалкий, одинокий старик, чья власть закончилась в тот момент, когда голодный волчонок показал зубы.

Алекс вышел из мастерской, аккуратно прикрыв за собой тяжелую дубовую дверь. Щелкнул замок.

Солнечный свет ударил по глазам. После полумрака кузни день казался невыносимо ярким. Город шумел вокруг: кричал торговец зеленью, плакал ребенок, где-то играла шарманка. Обычная жизнь Нижнего города, которая текла столетиями и ничего не менялось.

Впервые в жизни Алекс шел по улице и не знал, куда идет. Он не был ничьим учеником. Он не спешил домой, чтобы отдать еду родителям. Он был свободен. Абсолютно свободен. И это состояние пугало сильнее, чем кулаки Гюнтера. Свобода оказалась пустой комнатой, в которой гуляет сквозняк.

Ноги сами понесли его к западной стене герцогского парка. Он пришел туда задолго до заката. Сел на землю, привалившись спиной к холодному граниту, и закрыл глаза.

Он проиграл. Золотой венец остался недоделанным куском металла в разгромленной мастерской. Его мечта разбита. Ему теперь одна дорога — в порт, заниматься палубным матросом, чистить выгребные ямы кораблей, пока первый же шторм или лихорадка не заберут его на дно. Или в армию, пушечным мясом в бесконечных пограничных стычках на Юге.

Солнце ползло к горизонту, окрашивая небо в цвет запекшейся крови. Багровые лучи падали на стену, превращая серый камень в золото. Пепел прожитого дня оседал в душе горьким вкусом.

За стеной, в парке, зажглись первые магические фонари. Мягкий, жемчужный свет залил аллеи. Алекс ждал. Он не знал зачем. Наверное, чтобы попрощаться. Чтобы запомнить ее силуэт в последний раз перед тем, как Нижний город окончательно поглотит его.

Тень мелькнула на фоне освещенного окна малой библиотеки. Сердце привычно дернулось. Но тут же рухнуло камнем. Это была не она. Мужская фигура. Высокий, широкоплечий. Черно-серебряный дублет.

Капитан Ренар. Он постоял у окна, всматриваясь в сумерки, затем резко задернул тяжелые бархатные шторы. Свет погас.

Алекс уткнулся лбом в колени. Всё кончено. Замок засыпает, выставляя караулы. Золото спит в своих хранилищах. А он сидит в грязи, никчемный, безработный, никому не нужный кусок плоти.

Внезапно земля под ним дрогнула.

Это не было похоже на землетрясение. Толчок был направленным, идущим откуда-то из-под самых глубин фундамента города. Короткий, жесткий импульс, от которого лопнула нить одного из корней вяза у стены. Каменная крошка посыпалась сверху.

Затем раздался звук. Низкий, вибрирующий гул, который ощущался не ушами, а зубами и костями. Так гудит перетянутая басовая струна контрабаса перед тем, как лопнуть.

Фонарь над входом в переулок мигнул и рассыпался снопом фиолетовых искр. Магический кристалл внутри него взорвался. Где-то вдалеке истошно заржала лошадь, переходя на паническое ржание. Собаки по всему городу подняли вой, жалкий и протяжный.

Алекс вскочил на ноги, инстинктивно пригнувшись. Его рука сама нащупала в узелке тяжелый рога, который он прихватил из кузни вместо дубинки.

Гул нарастал. Небо над крышами Нижнего города пошло рябью, искажая перспективу, словно воздух превратился в кипяток. Багровый закат вдруг сменился мертвенно-белым, химическим свечением.

Со стороны порта, с самой дальней бухты, где стояли королевские галеры, поднялся столб черного дыма. Но дым этот вел себя странно. Он не рассеивался по ветру, а собирался в тугую спираль, закручиваясь против часовой стрелки.

— Пожар? — прошептал какой-то оборванец, высунувшийся из соседней подворотни. — Пороховщики взлетели?

— Нет, — ответил ему другой голос, дрожащий от первобытного ужаса. — Слушай...

Гул перерос в скрежет. Громадный, металлический скрежет, будто тысячи исполинских пил разом вгрызаются в кость мира.

Земля содрогнулась снова, гораздо сильнее. Часть городской стены неподалеку от Алекса, старая секция времен Первого Императора, беззвучно просела внутрь, поднимая облако белой известковой пыли.

Скрежет достиг невозможной высоты и оборвался. Наступила звенящая, ватная тишина. Такая глубокая, что Алекс услышал стук собственной крови в висках. Умолкли собаки. Умолкли птицы. Даже ветер перестал дышать.

А затем высоко в небе, там, где должны были зажигаться первые звезды, появилась трещина.

Она не была похожа на молнию. Она была геометрически правильной, идеальной формы — длинная, извилистая линия антрацитового цвета, прорезавшая синеву. Из трещины не полился огонь. Из нее посыпался пепел. Мелкий, серый, теплый на ощупь вулканический пепел, пахнувший серой и озоном.

Первый хлопок опустился на лицо Алекса. Он стер его тыльной стороной ладони. Пепел оставил на коже блестящий, жирный след, похожий на растертый в пыль обсидиан.

Золотая краска заката окончательно умерла, поглощенная наступающей темнотой. Но город не погрузился во мрак. Вместо этого начали загораться другие огни. Зеленые, ядовитые, холодного спектра. Они вспыхивали в окнах, на шпилях, в кронах деревьев. Призрачное свечение мертвой луны.

Алекс стоял посреди улицы, сжимая в руке кусок железа, и смотрел на небо. Мир разваливался на куски. Империя, стоявшая тысячу лет, герцоги, капитаны, долги, кузни, любовь к недоступным девушкам — всё это внезапно показалось мелкими, бессмысленными царапинами на поверхности огромного зеркала, которое сейчас пошло трещинами.

Где-то там, за проломленной стеной, в глубине парка, мраморная беседка начала покрываться этим серым пеплом.

И впервые за всю свою жизнь Алекс ди Фальконе — ибо в этот момент падения мира фамилия имела не большее значение, чем пыль на его сапогах — почувствовал не страх.

Он почувствовал зияющую, головокружительную пустоту. Свободу, ради которой не нужно было лезть через стены. Свободу, у которой больше не было цены, потому что исчез покупатель. Пропась между ним и Анастасией действительно была непреодолима. Но только что случилось кое-что похуже: обрушился сам край пропасти.

Золото и пепел стали неразличимы.

Глава 2. Чёрная находка

Пепел падал густо, превращая привычный мир Нижнего города в призрачную декорацию из кошмаров пьяного стеклодува. Улицы, которые Алекс знал с закрытыми глазами — каждая выбоина, каждый сток для нечистот, каждый шатающийся камень брусчатки — исчезли под ровным слоем серой смерти. Зеленое свечение мертвых огней, вспыхнувших в окнах верхних этажей, пульсировало в такт с его собственным сердцебиением, делая тени длинными, ломаными и хищными.

Алекс шел быстро, почти бежал, прижимая к груди узелок с пожитками. Рогач он держал на отлете, готовый ударить любого, кто выпрыгнет из зеленого марева. Но переулки были пусты. Жители заперлись в своих гнилых домах, забаррикадировав двери мебелью, или же их уже поглотила та бездна, что разверзлась в небесах. Слышался лишь вой ветра, запутавшегося в печных трубах, да далекий, монотонный гул треснувшего неба.

Он срезал путь через Рыбный ряд. Обычно здесь стояла такая вонь, что слезились глаза, а торговки орали громче рыночного набата. Сейчас прилавки были перевернуты. Мореходы побросали свой товар — теперь по скользкой от рыбьей требухи мостовой катались сотни дохлых угрей, разеваая беззубые рты. Их чешуя тускло отражала зеленое пламя.

Впереди замаячил тупик — глухая кирпичная стена, обычно заставленная пустыми бочками. Единственный проход дальше вел через арку старой прачечной, где вечно висели веревки с мокрым бельем.

Алекс шагнул в темноту арки. Зеленый свет сюда почти не доставал, поглощаемый сыростью камня. Под ногами хлопало. Он занес ногу, чтобы перешагнуть через лужу застарелой мыльной воды... ..и споткнулся.

Удар пришелся носком сапога обо что-то твердое, угловатое и совершенно неуместное в этой луже. Предмет проскользил по мокрому камню со звуком, похожим на скрежет ногтей по стеклу.

— Какого дьявола... — выдохнул Алекс, инстинктивно выставляя вперед руки.

Он пошарил перед собой в темноте. Пальцы наткнулись на гладкую, холодную поверхность. Это была книга. Толстая, массивная, размером примерно в две мужские ладони. Алекс подтянул ее к себе, вытащив из грязной воды.

Переплет был сделан из черной кожи. Не дубленой воловьей шкуры, которую использовали ремесленники, и не мягкой овчины писцов. Кожа эта казалась живой. Она мелко, едва заметно вибрировала под пальцами, словно внутри билось крошечное сердце. На ощупь материал напоминал холодный обсидиан, но обладал странной эластичностью — когда Алекс с силой сжал угол книги, переплет чуть поддался, как плоть под давлением, прежде чем медленно принять прежнюю форму. Ни швов, ни заклепок. Казалось, книгу вырастили целиком из единого куска мрака.

Ни названия, ни герба владельца на обложке не было. Только глубокая царапина, рассекающая кожу по диагонали — след от удара кованым каблуком Алекса. Из царапины не сочилась кровь, но края раны медленно затягивались на глазах, сливаясь воедино, пока кожа снова не стала идеально гладкой.

Алекс попытался открыть ее. Книга не имела застежек, ремней или металлических накладок, которыми аристократы защищали свои фолианты. Он подцепил край толстой страницы ногтем. Бумага — если это была бумага — оказалась плотной, зернистой и холодной, как утренний лед на реке.

Он ожидал увидеть готический шрифт Имперского канона, витиеватые руны Старшей речи или хотя бы каракули бродячего проповедника. Страница была абсолютно, девственно чистой.

Он пролистнул сразу десяток листов. То же самое. Идеальная белизна нетронутого пергамента. Никаких следов чернил, водяных знаков или выдавленных букв.

— Пустышка, — разочарованно пробормотал Алекс и хотел уже зашвырнуть находку обратно в лужу. Какой толк от книги без слов? Разве что распалить костер, если удастся найти сухие дрова в этом сыром городе. Или использовать как упор для покосившейся двери в какой-нибудь заброшенной ночлежке.

Но рука замерла на полпути.

От книги исходил холод. И дело было не в том, что она лежала в воде. Ледяной воздух концентрировался вокруг нее плотным коконом. Когда Алекс поднес ладонь к переплету на расстояние дюйма, волосы на его предплечье встали дыбом, а кожа покрылась мурашками. Температура падала стремительно. Дыхание превратилось в густой пар. Зеленое свечение улицы, падавшее сквозь арку, казалось, боялось коснуться черного переплета — тени вокруг книги сгущались настолько плотно, что становились бархатно-черными провалами, впитывающими любой свет.

Странный предмет притягивал взгляд. В центре обложки, там, где у обычных книг располагалось тиснение, Алекс вдруг заметил движение. Черная кожа пошла мелкой рябью, словно нефть на поверхности воды. Рябь складывалась в узор. Сначала это были просто хаотичные линии, затем они начали обретать объем.

Алекс наклонился ниже, шурясь. Его зрение кузнеца, привыкшее различать оттенки раскаленного металла в темноте горна, уловило то, чего не видел обычный глаз. Внутри черного материала переливалась субстанция, похожая на жидкое звездное небо. Глубокая, бесконечная тьма, прошитая серебряными нитями. Они сплетались в сложный геометрический узор, который постоянно менялся, никогда не повторяя одну и ту же конфигурацию дважды. Если смотреть слишком долго, начинала кружиться голова, а пространство комнаты искажалось, уходя в воронку.

«Магия», — мелькнула первая, паническая мысль. За хранение некромантских гримуаров городская стража сжигала заживо прямо на площадях. «Выброси. Отойди. Забудь».

Но вторая мысль была тише, спокойнее и гораздо опаснее: *«Это стоит дороже золота»*.

Золото. Герцогский венец. Разгромленная мастерская Гюнтера. Лицо Анастасии, освещенное лунным светом. Все эти образы внезапно показались ему частью старого, умирающего мира. Мира, где люди молились имперским богам и платили налоги. Небо над головой было порвано. Старые правила сгорели вместе с фонарями. В новом мире выживает тот, кто первым находит оружие. А книга, излучающая первобытный холод и пугающая саму тьму, определенно была оружием.

Или ключом.

Алекс резко захлопнул переплет. Звук получился сухим и тяжелым, совсем не таким, какой должна издавать обычная бумага. Больше похоже на удар крышки свинцового гроба. Холод мгновенно отступил, сменившись обычным промозглым воздухом осеннего вечера. Книга снова выглядела просто старым куском кожи.

Он сунул ее за пазуху, прямо на голую грудь. Обжигающий лед обжег кожу сквозь тонкую ткань рубахи. Алекс запахнул ворот своей единственной куртки поплотнее, пытаясь скрыть прямоугольные очертания находки. Теперь источник холода находился прямо напротив его сердца. Каждый вдох давался с трудом, легкие будто заполняло битым стеклом, но тяжесть предмета успокаивала. Чувство абсолютной власти над чем-то непонятным начало вытеснять липкий страх конца света.

Арка закончилась. Алекс выбрался на более широкую улицу, ведущую к портовым складам. Здесь разрушения были заметнее. Одна из башен маяка, сложенная из циклопических блоков, просто перестала существовать — на ее месте зияла яма с оплавленными краями стекла, а сам маяк лежал на боку, раздавив целый квартал трущоб. Люди в дорогах одеждах,

выбежавшие из верхнего города в поисках спасения, метались среди грязи, сталкиваясь с озверевшими грузчиками. Шелка рвались о ржавые гвозди, драгоценности летели в грязь ради места в шлюпке. Хаос правил бал.

Алекс прижался к стене склада, пропуская мимо себя толпу обезумевших беженцев с тюками. Никто не обращал на него внимания. Грязный подмастерье с узелком был невидимкой даже в апокалипсис.

Нужно было укрытие. Место, куда не сунется ни обезумевшая толпа, ни патруль городской стражи, если те еще сохранили подобие порядка. Верхний город с его мраморными дворцами сейчас наверняка кишит гвардейцами герцога, пытающимися спасти господское добро. Нижний город станет полем битвы банд за остатки еды.

Его собственный дом исключался. Возвращаться туда означало снова слушать кашель матери и чувствовать кислый запах отцовской рвоты. Кроме того, соседи видели, как он выходил от Гюнтера с кровью на рукаве. Первый же вопрос соседей закончится тем, что его обвинят в убийстве мастера ради кражи золотого слитка и сдадут страже за миску похлебки.

Ноги сами понесли его в сторону Кривого квартала — лабиринта старых канализационных отстойников и подземных цистерн времен основания города. Там жили самые отпетые отбросы общества: скупщики краденого, дезертиры, крысоловы и безумцы. Чтобы выжить там, нужно было иметь либо нож быстрее чужого взгляда, либо голову, полную ядовитых идей.

Вход в подземелья скрывался за неприметной дверью в мясницкой лавке, которая давно не видела мяса, кроме человеческого. Алекс постучал условным ритмом. Три быстрых, два медленных.

Дверь приоткрылась на длину тяжелой железной цепи. В щели блеснул мутный глаз. — Чего надо, Уголек? — просипел голос. Голос принадлежал Одноглазому Фросту, бывшему контрабандисту соли, потерявшему половину лица в кислотной ловушке конкурентов. — Мы закрыты. Мир кончается, скидок нет. — Мне нужен сухой угол, Фрост, — сказал Алекс, глядя поверх плеча одноглазого. — На пару дней. Есть серебро.

Серебро всегда открывало любые двери лучше любых слов. Особенно сейчас, когда монеты могли стать последним средством обмена перед переходом на натуральный каннибализм. Алекс достал из узелка один из двух украденных у Гюнтера серебряных империялов. Монета тускло блеснула в зеленом свете неба.

Цепь лязгнула. Дверь открылась ровно настолько, чтобы протиснулся человек. Алекс нырнул внутрь, в сырую вонь плесени, немытых тел и дешевого дурманящего зелья. Фрост тут же запер дверь, задвинул три засова и привалился к ней спиной, тяжело дыша.

— Наверху ад, — прохрипел он, ощупывая взглядом фигуру Алекса. Взгляд задержался на выпуклости под курткой. — Что прячешь? Ограбил ювелирную лавку? — Нашел, — коротко ответил Алекс.

Кривой квартал представлял собой огромный зал цилиндрической формы — старую водяную цистерну диаметром в пятьдесят шагов. Потолок терялся во мраке, поддерживаемый толстыми чугунными колоннами. Сотни людей сидели прямо на влажном каменном полу. Кто-то жег вонючий жир в плошках, давая тусклый оранжевый свет. Дети плакали. Женщины тихо читали молитвы забытым богам. Воздух дрожал от напряжения и запаха страха.

Фрост провел Алекса в дальний конец зала, за частокол из ржавых копейных наконечников. Здесь обитала местная элита — те, кто успел спуститься вниз с запасами провизии и оружия. — Садись к Котлу, — кивнул Фрост на чан с бурлящей подозрительной жижей. — Жрать будешь? Алекс отрицательно мотнул головой. Желудок свело спазмом, но есть пищу этих людей было равносильно самоубийству.

Он отошел в самый темный угол, за огромную трубу конденсатора, покрытую слизью. Сел на корточки, прислонившись затылком к холодному металлу. Положил узелок на колени. Достал книгу.

Здесь, глубоко под землей, вдали от зеленого зарева и пепельного неба, тишина была почти абсолютной. Сверху доносились лишь приглушенные звуки катастрофы — отдаленный рев обвалов и крики, которые ветер приносил через вентиляционные шахты.

Алекс снова открыл черный переплет. Сердце пропустило удар, болезненно дернувшись о ледяную преграду за пазухой.

Первая страница больше не была пустой.

На ней проступили буквы. Черные, острые, похожие на осколки обсидиана. Они не были написаны чернилами — они были прорезаны в самой структуре бумаги, источая легкое серебристое сияние, которое кололо глаза. Язык был незнакомым. Витиеватые, ломаные символы, напоминающие одновременно математические уравнения и следы когтей крупного зверя. Каждая буква казалась живой, готовой сорваться со страницы и впиться в лицо.

Алекс провел пальцем по строке. Буквы оказались острыми. Тонкая струйка крови выступила на подушечке пальца, капнув прямо на страницу.

Как только капля коснулась символа, произошло нечто невероятное. Кровь не растеклась. Капля втянулась в бумагу, словно всосанная губкой. Символ, которого коснулась кровь, вспыхнул изнутри багровым огнем. Багровое свечение побежало по строке, перебрасываясь на соседние знаки. Буквы начали плавиться, менять форму, перетекать одна в другую, подобно ртути.

Черные линии свернулись в спираль, потом расправились, формируя новый рисунок. Рисунок стал четким. Алекс отшатнулся, больно ударившись затылком о трубу.

С листа на него смотрел череп. Не нарисованный гравировкой анатомический макет, каким пугают студентов-медиков. Объемный, гиперреалистичный, выступающий над поверхностью бумаги. Глазницы его были заполнены клубящейся мглой, а в зубастой челюсти вместо языка извивался тонкий кинжал, состоящий из чистого синего льда. Кинжал казался настолько настоящим, что Алекс чувствовал исходящий от иллюстрации могильный холод.

Под рисунком текст изменился. Острые символы уступили место знакомому имперскому шрифту, но начертание оставалось рваным, нервным:

«Ты пролил свою воду в мой колодец. Ты искал золото, но нашел сосуд. Говори».

Книга говорила с ним. Требовала ответа.

Алекс оглянулся по сторонам. Никто в зале не смотрел в его сторону. Для них он был просто очередной тенью, скорчившейся в углу.

— Что ты такое? — прошептал он, стараясь не шевелить губами. Горло пересохло так, что звук вышел сиплым.

Буквы на странице пришли в движение снова. Текст растворился, превратившись в серый туман, который собрался в новую фразу:

«Я — Ответ. Ты — Вопрос. Спрашивай правильно».

Руки Алекса затряслись. Магия. Настоящая, древняя магия, о которой болтали в портовых кабаках старые моряки, хлебнувшие рома с островов Полумесяца. Та самая магия, за которую Инквизиция вырезает целые семьи до седьмого колена.

Он должен выбросить ее. Должен бежать из этого подземелья, вернуться в парк, положить книгу на ступени герцогского дворца и забыть навсегда. Прикосновение к этому предмету означало смерть. Медленную, на костре, после дыбы.

Но ледяной металл за пазухой приятно охлаждал грудь, успокаивая бешеный ритм сердца. Страх никуда не делся, но теперь он кристаллизовался в ясность.

Мир снаружи рухнул. Золото герцога ди Фальконе, социальный статус, долги перед гильдией, уважение мастеров — всё обратилось в пепел и зеленый дым. Старая иерархия умерла. Значит, умерли и ее запреты. Если сама реальность дала трещину, почему бы не заглянуть в нее?

Анастасия назвала людей внизу настоящими, потому что они чувствовали боль. Сейчас весь мир испытывал боль рождения нового эона. И у Алекса в руках оказался инструмент, способный эту боль причинять или лечить.

— Хорошо, — сказал он книге, наклоняясь ближе. Его дыхание оседало инеем на страницах. — Скажи мне... скажи, как выбраться отсюда. Как сделать так, чтобы этот мир перестал разваливаться.

Текст изменился. Буквы стали глубже, агрессивнее, процарапав бумагу почти насквозь: *«Трусость. Ты спрашиваешь о спасении массы. Масса кормит червей. Спроси о своем спасении».*

Алекс стиснул зубы. Кем бы ни был автор или дух этой книги, он презирал слабость. — Ладно, — процедил он. — Как мне подняться наверх? Туда, в замок. Как пройти сквозь стены, гвардию и законы, которые запрещали мне дышать одним воздухом с герцогиней?

Символы вспыхнули ярче. Багровый огонь охватил всю страницу, бросая на лицо Алекса жуткие тени. Иллюстрация с черепом начала меняться. Череп трескался, осыпаясь черной пылью. Из-под костей проступило другое лицо. Оно формировалось мучительно медленно: высокие скулы, пронзительные глаза цвета штормового моря, линия губ, изгиб которой обещал либо величайшую милость, либо чудовищную жестокость. Лицо собиралось из теней и запекшейся крови, принимая знакомые черты.

Лицо Анастасии ди Фальконе. Но лишненное всякой мягкости. Это был лик идола, высеченного из льда и обсидиана. Богиня войны и недостижимой высоты.

Рядом с лицом проявились слова:

«Замок построен на Костях. Найди Первую Кость. Она откроет любую дверь. Но помни: взявший Кость становится частью Хребта».

— Первая Кость? — переспросил Алекс. — Где она? В крипте собора? В сокровищнице?

Книга проигнорировала вопрос. Поверх текста начал проступать чертеж. Карта. Алекс узнал очертания порта, змеинный изгиб реки Серебрянки и центральную площадь. Красная пульсирующая точка мигала глубоко под фундаментом Торгового банка — самого охраняемого здания столицы, стоящего между Нижним городом и внешней стеной замка.

«Иди туда. Время истекает. Небо не терпит пустоты. Скоро придут Те-Кто-Ждет».

Последняя фраза повисла в воздухе, отделившись от бумаги. Буквы уплотнились, став вязкими, как смола, и втянулись обратно в переплет. Страница снова опустела. Лишь по самому краю листа шла тонкая трещина, похожая на улыбку.

Алекс захлопнул книгу. Щелчок прозвучал как выстрел в напряженной тишине подземелья.

Он сидел в темноте, переваривая услышанное. Замок на костях. Первая кость в банке. Стань частью хребта. Загадки сумасшедшего. Но карта была реальной. Банк стоял на стыке миров — между богатством и нищетой. Лучшее место, чтобы спрятать то, что должно соединить несоединимое.

— Эй, Уголек! — раздался скрипучий голос Фроста. Одноглазый подошел бесшумно, опираясь на самодельный костыль. — Твой дружок снизу передает привет. Сказал, что если ты задолжал Гильдии за разбитый заказ, они знают, где тебя искать. Утром выходы перекроют наглухо. Вода прибывает. Будем сидеть здесь, пока еда не кончится.

Алекс поднял голову. В мерцающем свете жирника лицо Фроста казалось маской демона. — Еда не кончится, — спокойно сказал Алекс, вставая. Черная книга надежно грела его сквозь одежду своим противоестественным холодом. — Потому что мы выйдем сегодня.

— Куда выходить?! — взвыл кто-то из толпы. — Там небо плюется камнями! — Там свобода, — отрезал Алекс. Впервые за двадцать пять лет он почувствовал, что слово "свобода" имеет вес. — А здесь братская могила. Кто со мной — готовы веревки. Нам придется лезть вверх по канализации прямо в сортир городского головы. Выходим через час.

Люди смотрели на него как на умалишенного. Мальчишка-подмастерье, отдающий приказы матерым убийцам и контрабандистам. Но затем земля снова дрогнула, сильнее прежнего, посыпав всех мелкой каменной крошкой с потолка. Сверху донесся протяжный, сводящий с ума вой сирены дозорной башни, который оборвался коротким хрустом.

Безумие снаружи стало меньшим злом, чем клаустрофобия внутри.

Фрост посмотрел на Алекса единственным глазом, затем перевел взгляд на бугор под его курткой. Опытный преступник умел чутить силу. А от парня сейчас пахло не дешевым элем и железом, как раньше. От него пахло озоном, могилой и властью. — Банки грабить решил напоследок? — усмехнулся Фрост, обнажая гнилые зубы. — Дело хорошее. Я в деле. Только учти, парень, мои ребята любят делиться. Особенно тем, что блестит.

— Там ничего не будет блестеть, — ответил Алекс, проверяя узелок с вещами. — Кроме ключа от всего этого города. Собирай своих волков, старик. Настало время охоты.

Он повернулся к ним спиной, направляясь в сектор тоннелей, отмеченных на карте книги. Он больше не был никем. Офисный планктон превратился в дикого зверя, загнанного в угол катастрофой. А у зверя появился артефакт.

Алекс прикрыл глаза, прислушиваясь к пульсации холода за пазухой. Книга молчала, но он чувствовал ее присутствие каждой клеткой кожи. Она была паразитом. Древним, голодным симбионтом, который выбрал его носителем.

«Найди Первую Кость».

Что бы это ни значило, он найдет. Он пройдет сквозь пепел, сквозь гвардию капитана Ренара, сквозь золотую клетку герцогской дочери. Социальная пропасть действительно непреодолима для человека. Но для того, кем становился сейчас Алекс, границ больше не существовало.

Мир снаружи умирал в зеленом огне. А в темноте подземелья рождалось нечто новое. Нечто с бронзовыми глазами и сердцем из вечного льда.

Глава 3. Первая строка

Подземелья Кривого квартала пахли отчаянием. Смесь застарелой мочи, прелой соломы и дешевого свечного жира въедалась в одежду намертво уже через час пребывания здесь. Сотни людей — бывшие лавочники, разорившиеся ремесленники, шлюхи с верхнего яруса и беглые солдаты — сидели плечом к плечу во влажной духоте старой водонапорной башни. Воздух был настолько густым, что его можно было резать ножом и продавать вместо ужина.

Алекс сидел в самом темном углу своей «каморки» — закутке между двумя массивными чугунными опорами, который он отвоевал у одноглазого Фроста, приставив нож к горлу одного из прихлебателей контрабандиста. Никто не рискнул оспорить право грязного парня с безумным блеском в глазах на этот кусок камня. Слишком быстро двигались его руки. Слишком тихо он дышал.

Черная книга лежала у него на коленях, скрытая под ворохом тряпья. Она больше не обжигала холодом так сильно, как в первые часы. Теперь Алекс чувствовал лишь ровную, глубокую стужу, пульсирующую в такт его собственному сердцу. Книга спала. Или делала вид, что спит. После того разговора о Первой Кости страницы оставались пугающе пустыми, но сам переплет стал теплее на ощупь, словно древнее существо переваривало полученную информацию.

Город над ними сходил с ума. Каждые полчаса земля вздрагивала, сбивая пламя с редких факелов. С потолка сыпалась кирпичная крошка. Иногда сверху доносились звуки, которые невозможно было спутать ни с чем другим: оглушительный треск ломающегося дерева перекрытий и далекие, истошные человеческие вопли, обрывающиеся внезапно, будто кричавших проглатывала сама тьма.

Вокруг Алекса бубнили голоса. Кто-то молился Имперскому Пантеону, кто-то проклинал магов Академии, решивших поиграть с материей. Слухи разрастались быстрее плесени: говорили, что река Серебрянка потекла вспять и теперь состоит из жидкого серебра; шептались, что герцог Эдрик ди Фальконе сошел с ума и приказал гвардии расстреливать любого, кто посмотрит на небо; уверяли, что порт провалился в ад целиком вместе с кораблями.

Алекс не слушал. Он смотрел сквозь стену перед собой, но видел не мокрый кирпич. Перед его внутренним взором стояла мраморная беседка, увитая розами.

Он вспоминал ее голос. «Полированный аквамарин не чувствует холода». Эта фраза жгла его сильнее, чем искры от горна. Каково это — быть живым камнем? Красивым, дорогим, совершенным, но абсолютно мертвым внутри? Анастасия была пленницей своего имени куда эффективнее, чем он — сыном пьяницы. Ее золотые прутья клетки были инкрустированы сапфирами, но это все равно оставалась клеткой. И сегодня ночью крыша этой клетки рухнула.

Тоска по ней перестала быть просто юношеской влюбленностью. В этом сыром склепе, среди коптящих жировиков, его желание увидеть ее превратилось в физическую потребность, сравнимую с жаждой. Ему нужно было знать, что она жива. Что зеленый огонь небес не сжег ее фарфоровую кожу. Что капитан Ренар успел затолкнуть ее в карету и вывезти из зоны падения обломков маяка. Но расстояние между ним и замком измерялось сейчас не футами, а слоями обрубившейся реальности.

Его взгляд упал на колени. Там, поверх грязной куртки, лежал предмет, который еще утром казался мусором, годным только на растопку. Черная кожа переплета тускло поблескивала в полумраке.

«Говори», — сказала тогда книга. «Спроси правильно».

Алекс сглотнул вязкую слюну. Сердце пропустило удар, а затем забило где-то в горле. Это было безумием. Чистейшим, незамутненным самоубийством. Магические гримуары требовали крови девственниц, слез единорога или душ младенцев. Они сводили с ума королей и

уничтожали континенты. А он собирался использовать эту бездну... для чего? Чтобы передать записку?

Но мир снаружи умер. Старые правила сгорели. Инквизиция, если она еще существовала, сейчас наверняка пыталась удержать собственные штаны, пока небеса падали им на голову. Да и разве не этого он хотел всегда? Достучаться до нее. Преодолеть пропасть одним прыжком.

Порыв иррациональной, отчаянной смелости накрыл его горячей волной, смывая остатки здравого смысла. Если эта штука хочет вопросов — она их получит. Самый глупый, самый невозможный вопрос во вселенной.

Нужно было перо. И чернила.

Алекс поднялся, бесшумно ступая по каменному полу. Его глаза привыкли к темноте, работая почти как кошачьи. Он прошел мимо спящего вповалку отряда Фроста. Сам Одноглазый храпел, прижимая к груди арбалет, выставив единственный открытый глаз в сторону входа — даже во сне параноя не отпускала старого лиса.

Удальней стены, там, где беженцы сортировали награбленное добро, Алекс нашел то, что искал. Среди рассыпанного приданого какой-то богатой горожанки валялась походная чернильница-дорожница из бронзы. Она была раздавлена чьим-то тяжелым сапогом, серебро высохших чернил запеклось вокруг трещины причудливыми узорами. Рядом лежало гусиное перо — дорогое, из тех, что используют столичные писцы, с золотым наконечником. Перо было сломано пополам.

Этого достаточно.

Алекс вернулся в свой угол. Присел на корточки. Положил книгу на колено, открыв чистый титульный лист. Бумага матово светилась в темноте собственным, едва уловимым лунным светом. Провел пальцем по краю листа — холодный, гладкий, идеальный. Ни единой пылинки, хотя они находились в самой грязной дыре города.

Он обмакнул острие сломанного пера в засохшее серебро чернил. Металл царапнул бумагу, не оставляя следа. Сухие чернила отказывались писать. — Ну же, — прошептал Алекс. — Давай. Будь хоть немного полезным.

Он нажал сильнее. Острые пера вдруг легко вошло в плоть бумаги, словно та была не сплетением волокон, а куском теплого сливочного масла. На поверхности проступила тонкая серебристая линия. Чернила начали оживать прямо под нажимом, превращаясь из сухой корки в тягучую, светящуюся жидкость.

Алекс замер. Его рука дрожала. Одно дело — читать чужие символы, проявляющиеся сами по себе. Другое — вписывать свою волю в саму ткань магии. Он почувствовал себя голым. Каждая мысль, каждое тайное желание, которое он когда-либо прятал на дне души, казалось, сейчас отпечатается на этом листе помимо его воли.

Он собрался. Выдохнул. Облизнул пересохшие губы.

И начал писать.

Буквы выходили неровными, детскими. Почерк кузнеца никогда не отличался каллиграфическим изяществом, а дрожь в пальцах делала их похожими на мечущихся насекомых. Но стоило ему закончить слово и поднять перо, как буквы на странице пришли в движение. Они вытянулись, сбросили лишнюю шелуху неуверенности, стали четкими, острыми и властными. Изменился даже наклон — теперь надпись выглядела так, будто ее высек на камне опытный мастер.

Хочу, чтобы Анастасия меня поцеловала.

Последняя точка вспыхнула рубиновым огнем и погасла.

Алекс откинулся назад, прислонившись затылком к влажному чугуну опоры. Он зажмурился, ожидая грома, молнии, появления демона с контрактом или того, что книга просто испепелит его руку за такую пошлость.

Он написал имя. Настоящее имя дочери герцога. В мире имперской бюрократии и магии имен это было равносильно объявлению войны. Назвать истинное имя объекта желания — значит заявить на него права.

Ничего не произошло. Только тихий гул в ушах да капанье воды с потолка.

— Идиот, — вслух сказал Алекс своему отражению в лужице на полу. Голос прозвучал хрипло и жалко. — Романтик помойный. Думаешь, если реальность треснула, феи начнут исполнять твои сопливые мечты? Сейчас потолок рухнет тебе на голову, вот и всё чудо. Вот и поцелуй. Последний.

Он горько усмехнулся, глядя на текст. Буквы слегка мерцали в темноте, но никакого эффекта не наблюдалось. Книга съела его слова и, похоже, подавилась абсурдностью запроса. Требовать спасения мира — логично. Просить власти — понятно. Но просить поцелуй у той, что считает тебя пылью под ногами? Даже всемогущая реликвия имеет предел терпения.

Смех оборвался так же резко, как начался. Горечь разочарования сдавила горло. Зачем он вообще это делает? Почему не пошел грабить банк, как советовала логика выживания? Почему сидит в грязи и пишет любовные письма дьявольскому артефакту? Потому что золото нельзя забрать с собой на тот свет. А несбывшаяся любовь сжигает заживо надежнее любой кипящей смолы. Гюнтер мог переломать ему пальцы за венец, стража могла насадить на пику за нарушение границ парка, но никто не мог причинить боль большую, чем осознание того, что он умрет, так и не коснувшись ее руки.

Усталость навалилась внезапно, тяжелая и свинцовая. Адреналин уходил, сменяясь апатией. День выдался слишком длинным: молот, гнев Гюнтера, побег, восстание неба, разговор с черепом из льда. Тело требовало отдыха.

Алекс подтянул колени к груди, стараясь занять как можно меньше места — старая привычка бродяги, привыкшего спать вполглаза. Он положил книгу рядом с собой, не закрывая обложку. Пусть смотрит на свои серебряные буквы. Пусть видит, какое ничтожество стало ее хозяином.

Книга молчала. Серебряная надпись *«Хочу, чтобы Анастасия меня поцеловала»* медленно тускнела, впитываясь в волокна бумаги, становясь невидимой для обычного зрения.

Сон пришел мгновенно, тяжелый и черный, как деготь. Последней осознанной мыслью Алекса было сожаление о том, что он забыл попросить у книги хотя бы сухую буханку хлеба.

Ему снился парк.

Тот самый вечерний парк, наполненный ароматом роз и журчанием фонтана. Но во сне краски были ярче, контрастнее, болезненнее. Небо цвета индиго сияло огромными, незнакомыми созвездиями. Мраморная беседка казалась хрустальной.

Она стояла спиной к нему. Платье цвета ночи стекало с ее плеч на скамью, образуя лужицу звездного света. Тот же локон выбился из прически. Тот же жест — палец, скользящий по краю чаши фонтана.

Алекс сделал шаг. Во сне гравий не хрустел. Он двигался абсолютно бесшумно, как призрак, которым, по сути, и являлся. — Ана-ста-си-я, — позвал он. Имя вышло паром изо рта, хотя во сне было тепло.

Она обернулась. Это было лицо Анастасии, но лишенное человеческих пропорций. Идеальное до жуткости. Глаза ее не были аквамаринами. Это были два провала в ледяную бесконечность, заполненные вращающимися галактиками. Губы цвета артериальной крови чуть дрогнули.

— Ты звал меня, — сказала она. Но звук исходил не от нее. Голос вибрировал прямо в костях Алекса, в его зубах, в основании черепа. — Ты использовал неправильную формулу. Язык Желаний требует точности. «Поцелуй» — это глагол обмена. Ты предложил пустоту взамен сущности.

— Я ничего не предлагал! — возмутился Алекс. Страх исчез, осталась только тупая досада человека, которого уличили в грамматической ошибке перед лицом смерти. — Я просто попросил!

— Попросил? — Она улыбнулась, и от этой улыбки тени в парке удлиннились, превратившись в острые клинки, тянущиеся к его горлу. — Нет. Ты отдал приказ. Артефакт принял твою воду. Теперь сосуд должен быть наполнен. Баланс нарушен.

Она подняла руку. На ее указательном пальце блеснуло кольцо — то самое, платиновое, с черным бриллиантом, которое он видел на ней днем в карете. Бриллиант пульсировал, втягивая в себя свет фонарей.

— Наклонись, — велела она.

Алекс понял, что не может сопротивляться. Суставы обратились в свинец. Шея отказалась повиноваться. Мир сузился до пространства между ними. Шаг за шагом он приближался, чувствуя, как нарастает давление в груди. Воздух становился густым, сладким и ядовитым, как запах орхидей-убийц.

Когда между их губами осталось расстояние в ладонь, он увидел изменения. Кожа вокруг ее рта начала покрываться тонким слоем инея. Фарфор дал трещину.

— Стой, — прохрипел он. — Это неправильно. Ты не...

Договорить он не успел.

Анастасия сделала резкое, стремительное движение вперед. Это не был нежный жест влюбленных. Это был выпад змеи. Ее губы прижались к его рту с силой кузнечного пресса. Холод, исходящий от нее, был абсолютным — нулевым. Температурой глубокого космоса.

Ледяной поцелуй вошел в него, минуя плоть. Иглы мороза пробили зубы, заморозили язык, проникли в легкие. Боль была ослепительной, белой вспышкой, выжигающей сознание. Он попытался оттолкнуть ее, но его руки прошли сквозь ее плечи, схватив лишь пустоту и морозный дым.

Она пила. Не кровь, не дыхание. Она пила само понятие «Алекс». Его воспоминания о матери, кашель которой разрывал легкие. Злость на отца, пропивающего медяки. Жар раскаленной печи Гюнтера. Всю грязь Нижнего города, всю его ненависть, всю его никчемность и всю его слепую, животную любовь. Она всасывала это в себя через их соприкоснувшиеся губы, заполняя ту пустоту, которую он оставил своим нелепым желанием.

Мир начал крошиться. Мрамор беседки превратился в соль и посыпался вниз. Звезды на небе сорвались со своих мест, падая огненными росчерками.

Алекс проснулся от удара собственного сердца.

Он сел так резко, что врезался макушкой в низкий чугунный свод опоры. Вспышка боли отрезвила, выбросив остатки липкого кошмара. Несколько секунд он хватал ртом воздух подземелья, пытаясь понять, где находится. Воняло плесенью, страхом и невымытым телом. Наверху снова трясло землю.

Во рту стоял привкус. Медный, соленый вкус крови смешивался с чем-то еще. Со вкусом озона после грозы и... мела. Чистого школьного мела. Такого вкуса не могло быть в этих катакомбах.

Он провел языком по внутренней стороне губ. Ничего необычного. Никаких следов инея. Никакой фантомной боли. Просто сон. Самый страшный сон в его жизни.

Рука сама метнулась к поясу. Под курткой, у самого сердца, покоился прямоугольник черного льда.

Алекс вытащил книгу. Руки дрожали так сильно, что края обложки отбивали дробь по колену. Он открыл титульный лист, готовясь увидеть насмешку судьбы, новые руны угрозы или пустой смех демонического переписчика.

Первая страница изменилась.

Серебряная надпись никуда не делась. Она всё еще была там, безупречно ровная, выведенная почерком профессионального каллиграфа: *Хочу, чтобы Анастасия меня поцеловала.*

Но теперь под ней появилась вторая строка.

Черные, жирные, хищные буквы, написанные тем самым шрифтом, напоминающим осколки стекла, прорезали бумагу там, где минуту назад было пусто. Текст гласил:

[условие принято][задание активировано][цель: физический контакт (поцелуй) с объектом "анастасия ди фальконе"] [срок выполнения: до полного оседания атмосферного пепла (примерно 72 часа)] [штраф за невыполнение: поглощение носителя (изъятие всей жизненной эссенции)] [аванс списан]

Ниже шла приписка мелким, издевательским курсивом, словно нацарапанная иглой: *[Качество поцелуя на оценку штрафа не влияет. Достаточно факта касания.]*

Алекс перечитал текст трижды. Слова не менялись. Срок в семьдесят два часа означал три дня. Три дня до того, как книга выпьет его досуха, оставив лишь ссохшуюся мумию в луже черной слизи.

Аванс списан. Сон. Ледяной поцелуй. Она действительно приходила. Через пространство, через слои реальности, используя энергию его собственного подсознания. Она взяла плату авансом — часть его страха, часть его воспоминаний, частичку его тепла.

Он громко, лающе рассмеялся. Смех эхом отразился от стен цистерны, заставив ближайшего соседа — огромного мужика с перерезанным горлом в прошлом — испуганно дернуться и схватиться за тесак. Мужик посмотрел на смеющегося Алекса, на черную книгу в его руках, сопоставил беззвучную вибрацию воздуха и поспешно отвернулся, делая знак против скверны.

— Семьдесят два часа, — выдохнул Алекс, отсмеявшись. Его глаза лихорадочно блестели, зрачки расширились, проглотив почти всю радужку. — Три дня.

Это было невозможно. Замок ди Фальконе находился в центре бурлящего хаоса. Даже если город перестанет трястись, улицы забиты паникующей толпой. Гвардия будет резать каждого встречного. А он — беглый подмастерье с кровью мастера на рукаве. Первый же патруль подвесит его на воротах ради развлечения.

Но альтернатива... Поглощение эссенции звучало крайне неприятно. Судя по сну, это будет не быстрая смерть. Это будет растворение личности. Вечность в виде ингредиента для чужой силы.

Алекс захлопнул книгу. Механический щелчок взбудрил лучше нашатыря. Страх никуда не делся, но трансформировался. Когда твоя жизнь оценена в один поцелуй, приоритеты меняются кардинально. Поход в банк за «Первой Костью» отменяется. Все золото мира бесполезно, если ты мертв. Сначала — выполнение контракта. Потом — спасение мира. Или наоборот. Главное — дожить до рассвета третьего дня.

Он встал. Вода хлопнула в сапоге. Мышцы, затекшие от сна на камне, отозвались протестом.

— Эй, Уголек! — раздался сиплый голос.

Одноглазый Фрост стоял в проходе, опираясь на костыль. Его единственный глаз профессионально ощупывал фигуру Алекса, задерживаясь на книге. — Народ волнуется, — продолжил Фрост, кивнув в сторону толпы. — Говорят, парень, который спит с такой рожей, — он указал на иллюстрацию черепа, которая вновь проступила на коже переплета, реагируя на близость других людей, — либо святой, либо конец света лично заказывал. Мы тут решили, что выходы надо проверить. Гильдия Пауков лезет снизу, хотя наши запасы отобрать. Пойдешь в головной группе. У тебя взгляд подходящий. Для покойников дорожку расчищать.

Обычно Алекс огрызнулся бы. Или схитрил. Но сейчас каждая минута промедления работала против него. Время утекало, как песок в часницах Судьи Мертвых.

— Где ближайший люк на поверхность? — спросил он, поправляя куртку так, чтобы книга совсем не выделялась под тканью. — Мне нужен аристократический квартал. Восточная стена замка.

Фрост удивленно приподнял бровь. Аристократический квартал сейчас наверняка представлял собой филиал преисподней с золотыми решетками. — Свихнулся окончательно? Там гвардейцы кишки выпускают всем подряд. Золото везешь скидывать? — Целую принцессу везу целовать, — серьезно ответил Алекс. — Открывай люк, старый пират. У меня очень мало времени на романтику.

Контрабандист моргнул единственным глазом. Затем разразился булькающим смехом, перешедшим в приступ кашля. Сумасшествие заразительно. Когда небеса падают, верить в ограбление банка становится скучно. Вера в идиота, идущего за поцелуем — вот настоящее топливо для конца времен. — За мной, сумасшедший, — прохрипел Фрост, разворачиваясь. — Люк в мясницкой ведет в ливневку Старого Города. Оттуда есть ход в катакомбы под Садами Благодати. Это восточная сторона. Проводишь моих ребят до Винных погребов — дам карту верхних коммуникаций. Попробуешь обмануть — скормлю крысам. Живьем.

Группа собралась быстро. Десять человек. Самые отчаянные, те, кому нечего было терять даже до падения неба. Вооружены ржавыми тесаками, кухонными топориками и одной алебардой без древка. Свет давали три масляные лампы, сделанные из гильз больших осадных орудий. Жирный оранжевый свет делал лица похожими на маски демонов из церковных постановок.

Они подошли к задней стене бывшей мясницкой. Фрост отодвинул огромную деревянную колоду для рубки мяса, бывшую вдвое старше его самого. Под колодой обнаружилось железное кольцо. — Запах будет дерьмовый, — предупредил Фрост, упираясь ногой в стену. — Канализацию прорвало местами. Зато выйдете точно под статуей Святого Юргена. До внешней стены замка оттуда рукой подать. Если мосты не рухнули.

Алекс кивнул. Он глубоко вдохнул спертый воздух подземелья. В последний раз взглянул на сотни теней, прячущихся от конца света. Затем ухватился за кольцо обеими руками. Мышцы спины напряглись, хребет хрустнул. Каменная плита, служившая полом, с влажным чавканьем пошла вверх, открывая зияющий черный провал, из которого пахло гнилью и холодом речной воды.

— Помни про время, мальчик, — бросил вслед Фрост, когда Алекс начал спускаться по скользким скобам лестницы. — Три дня. Моя крыса ждать десерт не любит.

Алекс ничего не ответил. Он спускался в темноту, крепко прижимая к груди черную книгу. Теперь это был не просто странный артефакт. Это был вексель на предъявителя. И подпись на нем стояла его собственная.

Впереди, в кромешной тьме канализационного коллектора, зажглись две точки. Сначала Алекс принял их за отражение лампы. Но свет был зеленым. Таким же, как зарево погибающего неба. Две пары голодных глаз смотрели на него из потока нечистот.

Твари уже поднимались снизу. Те-Кто-Ждет, о которых предупреждала книга.

Алекс перехватил ручку сломанного пера, которое всё еще сжимал в кулаке, удобнее. Железо легло в ладонь, как кастет. Три дня. Начнем с малого. Сначала нужно выжить в канализации. А потом заставить дочь герцога его поцеловать.

Глава 4. Случайность или Чудо?

Старый Город пахнул победой.

После ночи, проведенной в кишках подземелий Кривого квартала, где воздух был густым от человеческого отчаяния и плесени, дневной свет показался Алексу физическим ударом. Он выбрался из люка на задворках Рыбного ряда вместе с остатками отряда Фроста — выживших осталось семеро, трое остались кормить крыс внизу после встречи с тварями, чьи глаза горели зеленым огнем.

Земля больше не дрожала так яростно, как ночью. Великий Раскол затянулся черной коркой по краям, но небо всё еще было цвета застарелого синяка. Вместо пепла теперь падала мелкая, жирная угольная пыль, оседая на мокрой брусчатке серым саваном. Половина лавок была заколочена, из других выносили последнее добро. Начались грабежи. Хаос переходил из стадии паники в стадию первобытного дележа.

Алекс отделился от группы контрабандистов сразу у выхода. У него были свои сроки. Семьдесят два часа, отведенные книгой, превратились уже примерно в шестьдесят пять. Аванс в виде ледяного поцелуя из сна жег его изнутри похлеще лихорадки. Кожа под курткой там, где покоилась книга, онемела и потеряла чувствительность, словно примерзшая к металлу.

Он шел быстро, опустив голову, стараясь не привлекать внимания. Его план был прост до идиотизма и строился исключительно на теории вероятности, помноженной на отчаяние. Замок ди Фальконе закрыт. Гвардия режет мародеров без суда. Значит, искать Анастасию нужно там, где рушатся границы. Там, где страх заставляет аристократов бежать из своих золотых клеток прямо в грязь улиц. На Центральном рынке. В дни великих потрясений даже герцогская казна пустеет, а еды в подвалах замка хватает ненадолго. Рынок всегда остается последним нервом города, который умирает самым долгим спазмом.

Площадь гудела растревоженным ульем. Сотни людей метались между перевернутыми прилавками. Крестьяне из окрестных деревень, успевшие довести товар до закрытия ворот, дрались насмерть за собственные мешки с репой, которые пытались отобрать горожане. Визжали свиньи, плакали дети, потерявшиеся в толпе, надрывался глашатай, пытающийся читать королевский указ о введении комендантского часа, но его никто не слушал. Воздух звенел от брани и ударов палок.

Алекс двигался против течения. Его плечи, закаленные годами работы молотом, работали как таран. Он уворачивался от летящих корзин, перепрыгивал через рассыпавшиеся яблоки и обходил стороной отряды городской стражи. Стражники сегодня выглядели хуже бандитов: их алебарды гуляли по спинам толпы без разбора чинов, лишь бы очистить проход для собственных офицеров.

— Дорогу! Именем Короны! — раздалось совсем рядом.

Толпа шарахнулась, прижимая Алекса к стене рыбной лавки. Мимо, расчищая путь ударами тупых концов копий, пробивался отряд «Золотых Плащей» — личной гвардии герцога. Они шли клином, оставляя за собой полосу придавленных тел.

И тут время замедлилось.

Алекс увидел ее не глазами — кожей. Это чувство он знал по кузнице: когда стоишь слишком близко к расплавленному золоту, жар ощущается всем телом еще до того, как помотришь в тигель. Волна чужеродного тепла прорезала холодный, пахнущий гнилью воздух рынка.

Она стояла всего в тридцати шагах от него, у лотка торговца тканями.

Анастасия ди Фальконе.

На ней не было платья цвета индиго. Никакого жемчуга. Никакого шелка. Она куталась в грубый шерстяной плащ мышинного цвета, явно снятый с плеча служанки или купленный впопыхах у перекупщика. Капюшон был наброшен глубоко на лицо, скрывая золотые локоны,

но осанка... Осанку невозможно спрятать. Спина оставалась идеально прямой, голова высоко поднята, даже когда какой-то пьяный грузчик толкнул ее плечом, обматерив сквозь зубы.

Рядом с ней суежилась та самая сгорбленная старуха Марта, пытаясь загородить госпожу своим тщедушным телом от напиральной толпы. Но Анастасия не смотрела на старуху. Ее взгляд, невидимый из-под капюшона, был устремлен вперед, на площадь. Она искала кого-то. Или что-то. Вокруг нее клубилось облако абсолютного одиночества, настолько плотное, что люди инстинктивно обходили это место стороной, сами не понимая почему.

Сердце Алекса пропустило удар. Затем второй. Оно забилося медленно, тяжело, гоня по венам не кровь, а жидкий огонь. План испарился. Логика рухнула. Остался только голый факт: она здесь. Живая. Без гвардейцев, без кареты, без защиты стен. Стоит посреди воющей толпы, которая разорвет ее на части просто ради серебряной пряжки на башмаке, если узнает, кто она такая.

Из ступора его вывел звук. Низкий, вибрирующий рев труб, усиленный медью.

К рынку приближалась процессия. Не городская стража. Что-то гораздо более тяжелое и быстрое.

Карета. Черная, лакированная, запряженная четверкой вороных коней, подкованных серебром. На дверцах красовался герб дома Лоран — графская лилия, обвивающая меч. Жених. Граф приехал забрать свою собственность прямо из пасти хаоса.

Карета неслась сквозь толпу, кучер орал и хлестал лошадей, не разбирая дороги. Люди бросались в стороны, давя друг друга. Это была не поездка, это был прорыв бронированного тарана.

Алекс стоял ровно на пути правой пары коней.

Его мозг работал холодно и отстраненно, как вычислительная машина. Если он останется стоять — лошади собьют его, втопчут в грязь, и он умрет нелепо, так и не дойдя до цели. Если он отпрыгнет вправо — прямо туда, где стоит Анастасия. Толпа сейчас схлынет волной именно в тот сектор, спасаясь от копыт. Ее либо задавят, либо она сама упадет под ноги обезумевшим животным.

Если же он прыгнет влево — на освободившееся пространство перед лотком пекаря — он спасется сам. Выживет. Сохранит свой аванс времени.

Инстинкт самосохранения взвыл пожарной сиреной. Ноги напряглись, готовые бросить тело в сторону, прочь от смерти.

Но потом он вспомнил вкус мела во рту. Вспомнил слова книги: *«Аванс списан»*.

Мир снова сузился до туннеля. Шум рынка отсекло ватой. Медленно, почти лениво, переставляя ноги, будто двигаясь под водой, Алекс сделал шаг. Ровно один шаг вперед и влево, перекрывая траекторию конских морд.

— Эй, полоумный! — взвизгнул кто-то сзади. — Слепой?!

Первая лошадь всхрапнула, поднимаясь на дыбы. Огромное черное животное нависло над ним, заслоняя небо. Из ноздрей бил горячий пар, запахло едким потом и кровью — конь наступил кому-то на ногу позади. Кучер рванул поводья, выворачивая шею животному. Уздечка лопнула с сухим треском.

Всё произошло за долю секунды.

Конь, лишившийся управления, дернулся вбок, теряя равновесие на скользкой грязи. Его массивный бок пошел юзом прямо на замершую в ужасе фигуру девушки. Старая Марта вскрикнула тонким, птичьим голосом и закрыла лицо руками, готовясь увидеть смерть своей госпожи.

Алекс не думал. Тело само приняло решение двадцать лет назад, когда ему приходилось убегать от разъяренных отцовских собутыльников по крышам Нижнего города. Он нырнул вперед, уходя от удара передних копыт, прокатился кубарем по липкой брусчатке, сгруппировавшись в последний момент.

Удар пришелся не мягкий. Подкованное серебро врезалось ему в бедро. Хруст ткани, острая вспышка боли, темнота в глазах. Но траектория была сбита.

Он врезался плечом в доски торгового прилавка. Прилавок переломился с пушечным грохотом. Алекс пролетел еще фут, сбив с ног какого-то лоточника, и впечатался спиной в каменную тумбу городского колодца. Дыхание вышибло из легких. В левом бедре пульсировал раскаленный гвоздь боли — открытый перелом исключался, но ушиб будет чудовищным, идти дальше он сможет только хромя.

Когда звон в ушах немного утих, он услышал тишину. Рев толпы оборвался. Десятки глаз смотрели на него. Кто-то тыкал пальцем. Кто-то крестился. Бродяга-подмастерье, грязный, одетый в рвань, только что принял на себя удар графской кареты и остался жив, свалившись практически под ноги герцогу... то есть графу.

Черная карета остановилась. Дверца со скрипом открылась. Оттуда выглянуло холеное, бледное лицо графа Лорана. Бескровные губы аристократа кривились в брезгливой гримасе. — Какая мерзость, — процедил он, глядя на барахтающегося в грязи Алекса. — Растопчите этот мусор окончательно, мне мешает проехать.

Гвардейцы графа — такие же бледные, упакованные в вороненые доспехи — двинулись к нему, вытаскивая короткие церемониальные мечи. Намерения читались ясно: убрать препятствие, расчистить дорогу.

В этот момент капюшон слетел с головы Анастасии.

Резкое движение — она сбросила его сама. Золотые волосы вспыхнули в тусклом свете дня, как сигнальный костер. Она оттолкнула кинувшуюся к ней Марту и сделала шаг вперед. Прямо через грязь, через разбитые овощи, прямо к человеку, которого знатоки этикета называли «мусором».

Алекс попытался встать. Левая нога подогнулась, отказываясь держать вес тела. Он рухнул обратно на колени, пачкая руки в лошадином навозе и капустных листьях. Боль в бедре стала оглушающей, белой. Он поднял голову, ожидая увидеть занесенный над ним меч гвардейца.

Но вместо лезвия в поле зрения попало лицо.

Оно оказалось в дюймах от его собственного.

Анастасия стояла перед ним на коленях, совершенно игнорируя испорченное платье и шокированные взгляды знати. Ее рука — тонкая, белая, с длинными пальцами музыканта — легла ему на грудь, прямо над сердцем.

От этого прикосновения по коже Алекса прошел разряд. Холод артефакта внутри него столкнулся с внешним теплом ее ладони, породив странную вибрацию. Книга под курткой глухо завибрировала, отзываясь на близость объекта контракта.

— Ты идиот, — прошептала она.

Ее голос не был похож на хрусталь фонтана. Он был сорванным, хриплым, человеческим. В нем звучал неподдельный, животный испуг. Она дышала часто и мелко, глядя в его бронзовые глаза своими — штормовыми, потемневшими от ужаса.

— Зачем? — выдохнула она. — Ты же мог... — Я знаю, — прохрипел Алекс. Губы пересохли. Он чувствовал себя глупцом космического масштаба. Весь этот героизм, весь риск — и ради чего? Чтобы быть зарубленным солдатами жениха через минуту?

Граф Лоран высунулся из кареты сильнее: — Анастасиэль! Немедленно отойди от этого смерда! От него несет псиной и тюрьмой!

Алекс ожидал, что она послушается. Посмотрит на своего нареченного, сморщит носик, скажет «Да, милый», и изящно перешагнет через его тело, продолжив путь к безопасности. Такова природа золота. Оно течет вверх.

Но Анастасия ди Фальконе посмотрела на своего жениха. Взгляд, которым она одарила графа Лорана, мог заморозить адские котлы. В этом взгляде не было ни капли покорности.

Только чистейшее, дистиллированное презрение человека, увидевшего истинную цену чужой трусости.

— Закройте рот, Лоран, — произнесла она громко, так, чтобы слышал весь рынок. — Вы позорите титул одним своим дыханием.

Затем она снова повернулась к Алексу. Время вокруг них словно загустело. Для всех остальных они были лишь сценой уличного театра — забавной драмой спасения. Но внутри этого пузыря существовало только двое.

— Ты обжег руку, — вдруг сказала она, переведя взгляд с его лица на его правую ладонь.

Алекс непонизающе посмотрел вниз. Среди слоя грязи отчетливо виднелся старый шрам — неровный розовый след от ожога раскаленной полосой электрума, полученного месяц назад в мастерской Гюнтера. Метка ремесла. Метка недостойного.

— Я помню запах твоего огня, — тихо добавила она. Совсем другим тоном. Личным. Тайным. Тем самым тоном, которым она говорила в парке о настоящих людях. — Ты плавил звезды, кузнец.

Это было невозможно. Он никогда не подходил к ней ближе чем на тридцать шагов. Он прятался за деревьями. Она не могла знать запаха его горна. Она не могла видеть его рук. *Совпадение*, — отчаянно подумал Алекс. — *Просто безумное совпадение. Она видела сотни таких шрамов у дворцовых мастеров.*

Она наклонилась ниже. Старуха Марта ахнула за ее спиной. Граф Лоран начал вылезать из кареты, побагровев от унижения. Гвардейцы сделали шаг вперед, клацнув сапогами.

Анастасия проигнорировала их всех. Ее левая рука всё еще лежала у него на груди, чувствуя бешеный, рваный ритм его сердца. Правую руку она подняла. Медленно. Завораживающе плавно.

Алекс замер, боясь пошевелиться. Сейчас она уберет грязь с его щеки. Аристократический жест снисхождения. «Бедный мальчик, вот тебе монетка».

Ее пальцы коснулись его кожи. Они были ледяными. Не от холода артефакта, а от обычного страха и ветра. Она провела большим пальцем по линии его скулы, стирая полосу сажи. Движение было интимным, запретным. Прикосновение, за которое в Империи полагалась виселица для простолюдина и монастырь для леди.

А затем она приподнялась на одно колено, преодолевая последние дюймы разделявшего их пространства.

Ее губы прижались к его щеке.

Это не был поцелуй страсти. Не было жара языков или сплетения дыхания. Это был сухой, легкий, мимолетный контакт. Касание длилось меньше секунды. Теплое, чуть влажное пятно на замерзшей щетине. Поцелуй мотылька. Благодарность. Знак.

Она отстранилась так же быстро, как и начала. В ее глазах цвета шторма плескалось изумление — кажется, она сама не до конца поняла, зачем это сделала. Словно рука действовала быстрее мысли, подчиняясь какому-то древнему закону баланса: жизнь за жизнь, спасение за благодарность.

— Живи, — шепнула она.

Развернулась. Подхватила полы плаща и пошла к карете. Ни разу не обернувшись. Марта, семена и подобрав юбки, поспешила за ней, бросив на Алекса взгляд, полный священного ужаса.

Дверца кареты захлопнулась. Щелкнул кнут кучера. Вороные кони взяли с места в карьер, разбрызгивая грязь. Процессия скрылась в направлении Восточных ворот, оставив после себя лишь сизый дым выхлопа магического двигателя да оглушающую тишину толпы.

Люди начали приходить в себя. Сначала зашуршал один голос. Потом второй. Через мгновение вся площадь гудела, обсуждая увиденное. Сумасшедший бродяга. Принцесса на коленях. Поцелуй.

Алекс сидел в грязи, привалившись к колодцу. Сердце пыталось проломить ребра. Легкие горели. Боль в ногу вернулась тысячей раскаленных иголок.

Он поднял дрожащую руку и коснулся щеки. Кожа горела там, где коснулись ее губы. Обычное физическое тепло. Человеческое.

— Нет... — прошептал он в пустоту. — Нет-нет-нет. Это ошибка.

Он полез за пазуху трясущимися, покрытыми грязью пальцами. Достал книгу. Обложка была теплой. Впервые за всё время она не излучала холод склепа. Она пульсировала мягким, довольным светом, словно сытый хищник, переваривающий добычу.

Трясущимися руками он открыл титульный лист.

Серебряная строка его желания осталась прежней. Но текст под ней изменился. Буквы стали крупнее, увереннее, заполняя собой всё свободное пространство страницы:

[задание обновлено][условие выполнено на 15% (поцелуй в щеку)][анализ: контакт произошел не посредством принуждения артефактом, а по воле объекта][внимание: система не ожидала такого решения от объекта. параметры вероятности пересчитаны][аванс возвращен с процентами]

Ниже, той самой издевательской вязью, добавилась приписка: *[Кстати, твоя нога сломана в двух местах. Постарайся не истечь кровью раньше времени.]*

Алекс перевел взгляд вниз. Сквозь прореху в штанине, открывшуюся при падении, белела кость. Острая, зазубренная грань большеберцовой кости торчала наружу, проколов кожу. Кровь толчками заливала остатки капусты вокруг темно-багровым озером. Мир перед глазами начал сужаться, темнеть по краям, звуки рынка превращались в монотонный гул при боя.

— Случайность... — просипел он, глядя в равнодушное небо. — Просто гребаная случайность...

Книга молчала. Но ее молчание было громче любого крика. Артефакт признал результат. Первый этап пройден. Пятнадцать процентов. Один нелепый, братский поцелуй на грязной рыночной площади приблизил его к цели больше, чем месяцы подглядываний в парке.

Он закрыл глаза, позволяя темноте взять верх. Последней мыслью было не сожаление о потерянной крови. Это было холодное, кристаллизовавшееся понимание. Чуда не существует. Есть математика судьбы. И судя по тому, как точно рассчитала вероятность книга, мир действительно ломался по заранее написанному сценарию. А он, Алекс, сын пропойцы, оказался главным героем этой пьесы. Самым несчастным и самым везучим дураком во вселенной.

Потеря сознания пришла как избавление. Тьма поглотила его мягко, укутывая теплым одеялом шока. Рыночная площадь продолжала жить своей страшной жизнью, но фигура у колодца больше никого не интересовала. Герой сцены ушел за кулисы, истекать кровью. Впереди оставалось еще восемьдесят пять процентов пути.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.